

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Е.И. Попов

Письмо к архиепископу Маннингу

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 6. С. 916-944.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМО

КЪ АРХІЕПИСКОПУ МАННИНГУ (Р. Кат.)

Эдмунда С. Фаукса (Ffoulkes), В. D., автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Christendom's Divisions».

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) (1)

„Спрашиваю васъ теперь, Милордъ, спрашиваю простымъ англійскимъ языкомъ, возможно ли себѣ представить, чтобы „Crown in Council“ могла съ большею отважностію возстать противъ „Символа Вѣры“, противъ Символа Церкви, и притомъ въ глазахъ папы? Я убѣжденъ, что ничего тому подобнаго нѣтъ и небыло въ исторіи англійской церкви, по крайней мѣрѣ со времени Реформаціи. Карль, послужившій выраженіемъ Франкфуртскаго собора, состоявшаго изъ его собственныхъ подданныхъ или союзниковъ, формально возсталъ противъ Символа Церкви, въ томъ его видѣ, какъ онъ тогда имѣлся, и какъ онъ только что въ четвертый разъ былъ провозглашенъ Вселенскимъ, съ согласія папы, возсталъ потому только, что въ членѣ его, гдѣ опредѣляется исхожденіе Святаго Духа, не доставало словъ— „И отъ Сына!“

(1) См. Хр. Чт. № 5.

„И такъ приходится заключать, что „Crown in Council“ лучше знакома съ Богословіемъ, чѣмъ Церковь на соборъ или папа, потому что эта „Crown“ взяла верхъ надъ всѣми; или же должны заключить, что церковь римская, усвоивъ себѣ эти придаточныя слова—Filioque сдѣлала то просто въ угоду „Коронѣ“: другаго исхода для умозаключеній нѣтъ. Все, однакожь, дѣло еще оставалось нѣсколько времени въ прежнемъ видѣ: Карлъ, по видимому, не бралъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ въ настоящій моментъ, хотя по прежнему употреблялъ прибавку Реквареда, когда читали или пѣли „Символь Вѣры“ въ его собственной капеллѣ. По его ли то внушенію или нѣтъ, не знаемъ мы, только нѣкоторые изъ монаховъ его имперіи привесли эту вставку, впоследствии, въ Іерусалимъ, и нарочито хвалились ею въ одномъ изъ восточныхъ патріархатовъ, гдѣ они поселились. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, во 1-хъ, что восточные сразу открыли и единодушно осудили это нововведеніе, и во 2-хъ, что монахи, въ извиненіе себя и въ защиту вставки, указывали на то, что Символь Вѣры такъ, а не иначе читали и пѣли въ императорской капеллѣ. Естественно, тогда снова поднялся вопросъ, — и императоръ, не теряя времени, взялъ на себя рѣшить дѣло по своему. Еще разъ поставивъ себя во главѣ своихъ епископовъ, онъ объяснилъ то, что казалось ему православнымъ въ этомъ ученіи, въ особенномъ письмѣ къ папѣ, (а папою въ этотъ разъ былъ человекъ весьма много ему обязанный—Левъ III), и, въ заключеніе, просилъ его усвоенное имъ толкованіе Символа Вѣры сдѣлать обязательнымъ. Папа съ своей стороны нашелъ, что толкованіе это правильно, только думалъ, что все таки не должно дѣлать эту

вставку въ Символь Вѣры. „Такъ если я вѣрно понимаю“, сказалъ одинъ изъ императорскихъ депутатовъ, „Ваша Paternitas желаетъ сперва эту clausa изъять изъ Символа Вѣры, а потомъ объявить, что законно и учить согласно съ нею и употреблять ее—въ чтеніи ли то или въ пѣніи“. „Безъ сомнѣнія, таково мое желаніе“ отвѣчалъ Левъ. „и я желалъ бы васъ всячески убѣдить такъ дѣйствовать“. Что папа сильно сомнѣвался въ достиженіи своей цѣли, видно уже и изъ того, что, со временемъ, онъ велѣлъ вырѣзать Символь Вѣры, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, безъ прибавленія словъ—„и отъ Сына“, на двухъ серебряныхъ щитахъ, „pro sanctilâ orthodoxae Fidei“, какъ онъ самъ сказалъ, а не для того только, чтобы Символь Вѣры могъ остаться неприкосновеннымъ. Что опасенія его были основательны, то мы знаемъ отъ Энея, епископа парижскаго, который, спустя пятьдесятъ лѣтъ, писалъ, что вся галликанская церковь, каждое воскресенье, пѣла Символь Вѣры въ томъ видѣ, какой отстаивалъ для него Карлъ. Прежде же сего, поборники этого нововведенія, усилившіеся внести его въ Болгарію, встрѣтили здѣсь гораздо болѣе чувствительный отпоръ со стороны востока, чѣмъ въ Іерусалимѣ, во время первой ихъ попытки тамъ. Тѣмъ не менѣе партія Карлова продолжала свое дѣло, и, въ другихъ отношеніяхъ, сдѣлалась столь полезною Риму, что обезоружила его, и Римъ отказался отъ своей оппозиціи. Еще два вѣка, — и самъ Римъ усвоилъ себѣ Символь Вѣры съ прибавленіемъ „и отъ Сына“, усвоилъ потихоньку, втихомолку: онъ не далъ знать о томъ ни окружной грамотой, ни соборнымъ постановленіемъ, ни папскимъ декретомъ. Дѣло было сдѣлано въ уголку, и не случилось тамъ быть од-

ному любознательному, литургическому писателю западной Европы, который нарочито отправился въ Римъ— посмотреть, какъ папа будетъ короновать государя его Генриха II (въ 1014 г.), никто и гадательно не зналъ бы, какъ все это произошло. То былъ Берно: онъ-то и рассказывалъ намъ, что привелось ему видѣть собственными его глазами и слышать собственными его ушами. Занятый литургическимъ трудомъ, естественно, онъ не могъ оставить безъ вниманія то, что имѣло отношеніе къ его труду, не могъ ходить по Риму, не замѣчая, что и какъ въ немъ дѣется. И такъ онъ говоритъ, что до этого времени римляне (т. е. церковь римская вообще) *вовсе не пѣли и не читали Символа Вѣры послѣ Евангелія*; но что императоръ Генрихъ неотступно этого требовалъ, и наконецъ, съ одобренія всѣхъ, убѣдилъ папу Венедикта дать повелѣніе пропѣть оный за Миссою. На истолкованіе этого мѣста у Берно много потрачено всякаго рода учености; но такъ какъ на западѣ пѣли Символь Вѣры только въ той формѣ, какая дана ему Карломъ, то само собою разумѣется, что и теперь императоръ имѣлъ въ виду символъ съ сдѣланнымъ въ немъ прибавленіемъ. Венедиктъ, за годъ предъ тѣмъ, былъ возвращенъ Генрихомъ изъ ссылки, и потому, конечно, чувствовалъ себя обязаннымъ исполнять его желанія: все однакожь, повидимому, ему стоило не малой борьбы сдѣлать въ семъ случаѣ уступку.

„Такимъ-то образомъ Реккаредъ ввелъ означенную вставку въ Символь Вѣры; Карлъ взялъ ее подъ свое покровительство, а Генрихъ II заставилъ ее принять и самихъ папъ. За послѣднимъ актомъ не замедлила последовать перемена и въ папской присягѣ. Само собою

разумѣется, позднѣйшіе папы не могли не желать увлочиться отъ такой присяги, въ которой призывался на нихъ грозный судъ Божій, въ случаѣ, если они не останутся вѣрными опредѣленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, „usque ad unum arisem“, не могли, говорю, не желать, потому что не могли не чувствовать, какъ измѣннически они поступили съ Символомъ Вѣры. И дѣйствительно, вмѣсто прежняго заклинанія, мы находимъ слѣдующую очень простую форму для ихъ присяги: „да будетъ Богъ милосердъ ко мнѣ въ тотъ страшный день, если я потщусь блюсти все то, въ чемъ поклялся“. Если бы имѣлось въ виду сказать, что, отъ времени до времени, они были вынуждаемы дѣйствовать иначе, конечно другой, лучшей формы не могло бы найтись.

„Послѣ того, какъ и почему символъ, употребляемый нами въ нашей литургіи, назвать Символомъ Церкви, а не символомъ Короны, я понять не могу; послѣ того, какъ можно спасти Римъ отъ обвиненія его въ томъ, что онъ падаетъ и палъ предъ „Словн Council“, и палъ безконечно болѣе, чѣмъ Англія, я очень, очень желалъ бы, во всей простотѣ, послушать васъ и поучиться у васъ. Ибо приведенные нами факты, какъ я предполагаю, и вы допустите, нельзя отнести къ разряду прослыхъ или пустыхъ „антикварныхъ изысканій“, или „сухихъ умозрѣній“. Формальныя опредѣленія церкви и теперь столь же обязательны, столь же догматически правильны, какъ и тогда, когда онѣ были провозглашены въ первый разъ. А въ одномъ изъ нихъ, повторовшемся цѣлымъ рядомъ Вселенскихъ Соборовъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, говорится, что то, чему учить Символъ Вѣры въ отношеніи къ Троицѣ, было совершенно, совершенно въ то время, когда еще въ

немъ не было прибавочныхъ словъ — „и отъ Сына“. Теперь, препираться и говорить, что возможно и дальнѣйшее объясненіе того, что уже положительно совершенно, значить лишать слова ихъ явнаго, прямого смысла и оскорблять общій здравый смыслъ. Большинство, и весьма значительное большинство церкви было на сторонѣ Адріана I и Льва III, когда они отстаивали цѣлостный, неподдѣльный Символъ Вѣры противъ Карла: большинство, и весьма значительное большинство церкви было противъ Венедикта VIII, когда онъ уступалъ угрозамъ или убѣжденіямъ Генриха II. Такое же большинство церкви отторглось отъ общенія съ папою за измѣну его Символу Вѣры, и, наконецъ, рѣшилось скорѣе уничтожиться и сгладиться съ лица земли, чѣмъ оставить Символъ Церкви и смѣнить его символомъ Короны. Я рѣшительно не вижу, гдѣ кончается параллель „quoad principium“? Режкаредъ, Карль и Генрихъ II предписали символъ Вѣры для запада, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, въ какой Генрихъ VIII, Эдуардъ VI и Елизавета предписали свой символъ для Англіи. Что первый состоялъ въ четырехсложномъ словѣ, а второй въ тридцати девяти членахъ, заключающихъ подъ собою шесть сотъ предложеній, — это, въ принципѣ, еще не имѣетъ особенной важности: и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково послѣдовала схизма, и обѣ эти схизмы существуютъ доселѣ во всей своей силѣ. Когда западъ отдѣлился отъ востока, востокъ составлялъ собою весьма значительное большинство церкви; когда Англія отдѣлилась отъ Рима, весьма значительное большинство запада было на сторонѣ Рима. Такимъ-то образомъ Риму оплачено было его же собственной монетой. Прибавленіе къ Символу Церкви

причинило одну схизму; изъятія, сдѣланныя изъ символа церкви римской, причинили другую. Реформація была въ одно и то же время и отмѣнительницею неправды и логическимъ слѣдствіемъ схизмы между востокомъ и западомъ. Западъ сдѣлался добычею разъединенія, разбился въ куски, и потерялъ довѣріе къ своему собственному „Credo“, въ возмездіе за свое поведеніе относительно востока, который онъ попираетъ за то именно, что востокъ отстаиваетъ Символь Церкви. И такъ если англиканское рукоположеніе не дѣйствительно въ глазахъ Рима, то пусть западное рукоположеніе поставятъ лицомъ къ лицу съ Символомъ Вѣры, съ канонемъ и опредѣленіемъ четвертаго, пятаго и шестаго соборовъ: по опредѣленію ихъ, Символь Вѣры считается совершеннымъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ былъ онъ тогда; канонъ же ихъ гласитъ, что какой бы то ни было епископъ или духовный, посягнувшій на измѣненіе его, подвергается низложенію. Покуда не дадутъ этому канону какого либо — „non-natural sense“ (1), я не вижу и видѣть не могу, какъ дѣлать выборъ и разборъ между англиканскимъ и римскимъ рукоположеніемъ: вѣдь даже до сего дня сила этого канона должна простираться на каждого епископа и священника на западѣ, на каждого епископа и священника читающаго или поющаго символъ Реккарета и Карла, вмѣсто Символа Церкви. Если же сила его утратилась, обветшала, то это потому, что сама власть, долженствующая охранять его, утратила свою силу; другими словами, это

(1) Это выраженіе вошло въ англійскую богословскую діалектику съ тѣхъ поръ, какъ называющіе себя „Англо-Католиками“ стали примирять XXXIX Articuli Fidei съ православнымъ ученіемъ католической церкви.

потому, что исполнительная, правительствующая власть пераки или безгласна, или небрежна или не может дѣйствовать. Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о характеристическомъ свойствѣ этого канона. Была пора, когда ложно понимали его, и отъ того онъ терялъ свою силу. Обыкновенно говорили объ немъ, какъ о седьмомъ канонѣ Эфесскаго Собора, и отъ того смотрѣли на него, какъ и на всякій другой канонъ Вселенскаго Собора, — съ небольшимъ и съ меньшимъ уваженіемъ. Взглядъ этотъ далеко невѣренъ. То правда, въ первый разъ онъ положенъ былъ на Эфесскомъ Соборѣ; но тогда имѣлось въ виду прилагать его только къ первоначальной формѣ Никейскаго Символа Вѣры, такъ какъ только эта форма и употреблялась тогда, какъ мы знаемъ то изъ „Акта“. И онъ приходился седьмымъ въ ряду положенныхъ тогда канонѣвъ. На Халкидонскомъ же Соборѣ онъ снова поставленъ при весьма различныхъ обстоятельствахъ: тамъ онъ является не въ ряду канонѣвъ, а тотчасъ же слѣдуетъ за опредѣленіемъ. Когда Никейскій Символъ Вѣры въ первоначальной его формѣ, и тотъ же Символъ въ болѣе пространной формѣ, данной ему Соборомъ Константинопольскимъ, были прочитаны и властію Собора поставлены въ однозначительное достоинство, тогда приложено было къ нимъ и формальное опредѣленіе Собора, а къ опредѣленію и этотъ канонъ. Такимъ образомъ ему усвоено новое высшее значеніе, которое одинаково подтвердили пятый и шестой соборы. Онъ пересталъ быть канонѣвъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а сдѣлался догматическимъ канонѣвъ, столь же неизмѣнно и повсемѣстно обязательнымъ, какъ и самое опредѣленіе, къ которому онъ приложенъ; сдѣлался тѣмъ же, напр.

чемъ служить сужденіе, приложенное Никейскими Отцами къ ихъ Символу—„тѣ, которые говорятъ, что было время, когда Его не было“, и т. д. Послѣ этого папы столь же легко могли бы согласиться на измѣненіе и и этихъ clause (статей или оговорокъ), какъ они согласились на измѣненіе этого канона.

„Есть и еще одинъ пунктъ въ связи съ этимъ канонъ, на который я ждалъ бы обратить ваше особенное, даже особеннѣйшее вниманіе, а именно, что вы и подчиненные вамъ можете сказать въ оправданіе вашей новѣйшей практики, такъ рѣшительно противной этому канону, по которой отъ всѣхъ, переходящихъ къ вамъ изъ англиканизма, вы требуете, чтобы они прочитали передъ вами и потомъ подписались, что они приняли символъ вѣры папы Пія, когда этотъ канонъ, неизмѣнно обязательный для всей Церкви, нарочито гласить, что лица, вступающія въ общеніе съ Церковію, *изъ какой бы то ни было ереси*, должны принимать именно Никейскій, а не другой какой либо Символъ? Каждый разъ, какъ вы нарушаете это правило, вы подвергаетесь тому осужденію, которое въ подобныхъ случаяхъ изрекаетъ Церковь; только церковь Рима потеряла прежній свой голосъ. Истинно, ужъ не въ стеклянномъ ли какомъ домѣ вы сами живете, милордъ? Простите за метафору: она невольно приходитъ на мысль.

„Такъ вотъ какой отвѣтъ, думаю я, могли бы дать вамъ англикане на ваши письма о „*Crown in Council*“! Печатая ихъ, вы конечно имѣли въ виду не одного *anglican friend*“, а потому и я даю гласность моему отвѣту, какъ ради ихъ, дабы они могли, если то будетъ имъ угодно, сочувствовать мнѣ, такъ и ради себя, чтобы удовлетворить требованіямъ моей совѣсти,—

будутъ или не будутъ они сочувствовать мнѣ. Во всякомъ случаѣ, чувствуется мнѣ, не могу я не сказать, не могу не сказать открыто, и имъ и вамъ, въ какой степени изслѣдованія этого вопроса измѣнили мой взглядъ на римскія притязанія. И, хотя воссоединеніе христіанства, бывшее предметомъ моей мечты, молитвы, помысловъ и трудовъ моей жизни, по видимому, теряется теперь въ совершенно безвѣстной дали. все-таки я желаю, на память себѣ и другимъ, записать мое рѣшительное убѣжденіе, что это воссоединеніе не можетъ и не должно состояться до тѣхъ поръ, пока не найдется какой-либо матеріальной гарантіи (material guarantees), что Римъ не будетъ опять тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ, въ извѣстной степени, доселѣ остается. Такъ не сокрушима для меня всѣ дознанные мною факты и доказательства, что Римъ поведеніемъ своимъ, больше, чѣмъ чѣмъ-либо другимъ, раздѣлилъ христіанство, что въ томъ виновата не столько его вѣра, сколько политика, продолжающаяся послѣднее тысячелѣтіе, со дней Карла. Именитые святые и учителя среднихъ вѣковъ, сколько я чувствую, всѣ въ томъ же духѣ говорили; можно сказать, и я говорю ихъ языкомъ: обличенія ихъ необычайно были сильны, особенно, когда они не лично говорили о томъ или о другомъ папѣ. Св. Бернардъ, говоря далеко не прикрашеннымъ языкомъ о „ропотѣ и жалобахъ церквей“ его времени (1), вовсе говорить не съ тѣмъ, чтобы напасть на своего прежняго питомца Евгенія. „Онѣ вопіютъ“, говоритъ онъ. „вопіютъ громко, что ихъ изувѣчили, обезчленили... Аббаты изъяты изъ власти епископовъ, епископы изъ власти архіеписко-

(1) De Consid. III. 4.

повь, архієпископы изъ власти примасовъ или патріарховъ. Можетъ ли это быть хорошо въ теоріи? Можетъ ли это быть извинено на дѣлѣ?... Ужели вы можете думать, что законно обезчленивъ церковь, разстроить порядокъ, нарушить предѣлы, поставленные для васъ отцами вашими? Если справедливость требуетъ, чтобы каждый пользовался своими собственными правами, то какъ согласить съ справедливою то, что вы дѣлаете, а именно — отнимаете отъ человѣка то, что ему принадлежитъ? Вы ошибаетесь, если думаете, что ваша апостольская власть, какъ бы она велика ни была, есть единственная власть, установленная Богомъ... Ваша власть отнюдь не единственная власть, исходящая отъ Бога: есть и другія посредствующія и еще меньшія власти, равно исходящія отъ Бога; и какъ не должно раздѣлять тѣхъ, кого Богъ сочеталъ, такъ равно не должно сочетавать въ одно то, что Богъ раздѣлилъ". „Разъ“, пишетъ Іоаннъ Сализбургскій, „ходилъ я до самой Апуліи, чтобы видѣть милорда папу Адріана“ (то былъ англичанинъ родомъ): онъ очень приблизилъ меня къ себѣ, и я провелъ у него въ Беневенто почти три мѣсяца. „Во время разговора, который продолжался у насъ столько, сколько можетъ продолжаться между друзьями, онъ спросилъ меня прямо и откровенно, что думаютъ о немъ и о римской церкви? Я рассказалъ ему въ отвѣтъ, со всею подробностію и безъ всякой утайки, обо всемъ, что дошло до моихъ ушей во время моего путешествія по провинціямъ. Какъ мнѣ столь многіе говорили, такъ и я сказалъ, что римская церковь, мать всѣхъ церквей, является въ глазахъ другихъ скорѣе мачихой, чѣмъ матерью... А что до римскаго первосвященника, приба-

вилъ я, то его называютъ всемірнымъ притѣсителемъ, выводящимъ всѣхъ изъ терпѣнія... Такъ вотъ что говорятъ въ народѣ, святѣйшій отецъ, если ужъ вамъ дѣйствительно угодно знать, что говорятъ (1).

Три вѣка спустя послѣ того, такъ восклицала великая сѣверная пророчица, по какому-то откровенію: „О папа! Ты хуже Люцифера, ты несправедливѣе Пилата, ты враждебнѣе Іуды (для меня), ты мерзостяѣе (для меня) самихъ жидовъ“ (2). И говорила она такъ не о порокахъ какого-либо папы въ особенности, но вообще, о папствѣ, въ томъ его видѣ, какъ оно тогда было. Я могъ бы привести цѣлыя страницы изъ средневѣковыхъ писателей, гдѣ слышится тотъ же самый тонъ рѣчи. Они обличали, — и, имѣя исторію передъ глазами нашими, мы не можемъ отважиться сказать, чтобъ ихъ обличенія страдали преувеличеніемъ, — они обличали начала и практику системы, извѣстной подъ именемъ куріи римской, ибо здѣсь была главная квартира всякаго зла: курія эта, ясное дѣло, началась при Карлѣ и его преемникахъ, продолжавшихъ „Donatio“, и смѣнила собою и духъ самоотверженія и пастырскіе дары, наследованные отъ св. Петра. Какъ скоро утвердилась эта новая держава, папы оказались всемогущими на зло, а на добро—беспомощными, безсильными даже и наилучшіе изъ нихъ. Евгеній III еще не успѣлъ ничего начать, а уже не могъ противостоятъ тѣмъ перемѣнамъ въ конституціи церкви, которыя такъ горько обличалъ и оплакивалъ св. Бернардъ.

Все это я зналъ, и долго объ этомъ думалъ, прежде

(1) De Nugis Cur. VI. 23.

(2) Mansi, tom. XXX. pp. 715—18, съ комментариемъ кардинала Тилге-сремата.

чѣмъ присоединился къ римской церкви, какъ въ томъ могутъ быть мнѣ свидѣтелями мои книги. Я и тогда подумывалъ, а теперь, прочитавъ еще разъ церковную исторію, будучи уже римскимъ католикомъ, вдвойнѣ убѣдился, что если было когда-либо какое-либо извинительное возстаніе противъ власти или авторитета, то это возстаніе, называемое нами Реформаціей: и будь это возстаніе чисто только противъ свѣтской власти церкви, въ родѣ, напримѣръ, возстанія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, навѣрное, мнѣ и на мысль не пришло бы оставить общеніе съ англиканской церковію ради общенія съ церковію Рима, точно также, какъ я предполагаю, никто изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, въ здоровомъ смыслѣ, не объявилъ бы себя. *By principle*, британскимъ подданнымъ. Но Писаніе говорило мнѣ, что Церковь должна быть одна; исторія говорила мнѣ, что приматство въ этой единой Церкви, съ незапамятныхъ временъ, принадлежало престолу Рима; кромѣ того, исторія говорила мнѣ, что со времени основанія кантербурійской кафедры до Реформаціи, церковь англійская составляла одно съ церковію римскою, не принужденно и съ осмотрительностію, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, подавала голосъ свой относительно доктрины и дисциплины ея, не исключая и главенства папы, и отвѣчала или дѣлала себя отвѣтственною за порчи и поврежденія, скопившіяся въ среднихъ вѣкахъ и ускорившія катастрофу шестнадцатаго столѣтія. по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и всякая другая изъ церквей, бывшихъ въ общенія съ Римомъ, на материкѣ Европы. Отъ того-то, дѣйствительно, казалось мнѣ, что англійская церковь не право поступила, отдѣлившись отъ тѣла, котораго она была столько вре-

мени дѣятельнымъ членомъ, и озаботившись только охраненіемъ своей собственной лады, вмѣсто того, чтобы мужественно стоять подъ своимъ знаменемъ, и всѣми силами стараться ввести старый корабль въ пристань. Во всякомъ случаѣ, спрашивалось, зачѣмъ намъ постоянно было оставаться въ состояніи изолированномъ, въ состояніи одиночества? Полагая, что можно вѣрнуться католическимъ богословамъ здѣшной страны, ученіе которыхъ, какъ мнѣ думалось, вполне выразилось въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Вѣра католиковъ—Faith of catholics“, въ 3-й разъ, отпечатанномъ въ 1846 г., и посвященномъ покойному епископу Вальшу, я невольно говорилъ себѣ, что, по крайней мѣрѣ, въ *настоящей* римско-католической системѣ нѣтъ ничего, къ чему бы нельзя было по совѣсти подписаться, — и именно ради расторженія тѣхъ преградъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ прочихъ церквей, въ общеніи съ коими наши предки и жили и скончались... Но болѣе близкое знакомство съ континентальными церквями, и болѣе строгое изслѣдованіе вопроса относительно раздѣленія между Востокомъ и Западомъ значительно измѣнили мой взглядъ на весь вопросъ относительно Англии и Рима. Начнемъ съ послѣдняго.

Вы, безъ сомнѣнія, припомните, какъ, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, я обращалъ ваше вниманіе на тѣ самые факты, которые слышатся теперь въ устахъ вашего „англиканскаго друга“. Въ отвѣтъ, или вмѣсто всякаго отвѣта, вы сказали мнѣ только, что они уже извѣстны. Изъ этихъ словъ вашихъ я заключилъ, что они приведены и изложены мною правильно. Но если такъ, то можно ли не вывести и другаго заключенія, а именно, что римская церковь, въ продолженіи 1,000

лѣтъ, употребляла не Символь Церкви, а символъ Короны? *Этимъ самымъ* я не хочу еще сказать, что она употребляла не православный символъ Вѣры. О богословскомъ вопросѣ, который внесенъ въ этотъ символъ Короны, я не иначе могу говорить, какъ съ должнымъ благоговѣніемъ; покуда для насъ довольно и того, что, какъ мы видѣли, прибавленіе, составляющее его отличительную черту, сдѣлаво было и введено въ употребленіе прежде — и именно нѣскольکو столѣтій — прежде, чѣмъ папа нашелъ его позволительнымъ, не говорю уже необходимымъ, прежде — и тоже нѣскольکو столѣтій — прежде, чѣмъ богословы на Западѣ согласились между собою относительно значенія словъ „Missio“ и „Processio“. Со временемъ, безспорно, явились и ловкіе защитники этой прибавки, но среди ихъ не найдется и двухъ, которые одинаково объясняли бы ее, въ историческомъ ли то, или въ догматическомъ отношеніи; а нѣкоторые изъ нихъ не только не соглашались съ другими, но и сами себѣ противорѣчатъ. Иные, наконецъ, отставая ее противъ Восточныхъ, тяжко извратили факты: изъ приведенныхъ ими мѣстъ изъ Отцевъ оказалось безчисленное множество такихъ, которыя или подложны или прямо вставлены. Ни прежде не было, ни теперь нѣтъ во всей исторіи религіозныхъ препирательствъ ничего тому подобнаго. Если такъ называемый Ананасіевъ символъ вѣры не нарочито составленъ въ видахъ этого препирательства, то во всякомъ случаѣ онъ въ первый разъ былъ употребленъ въ этомъ препирательствѣ, какъ полемическое орудіе. Во Флоренціи, гдѣ въ первый разъ формально занялись всѣмъ этимъ вопросомъ, число подложныхъ мѣстъ, приведенныхъ съ латинской стороны, представляетъ собою по-

разительно — тяжелый контрастъ съ числомъ подобныхъ мѣстъ, приведенныхъ съ греческой стороны: въ послѣднихъ даже новѣйшая критика не могла открыть ни малѣйшей погрѣшности. Въ самомъ флорентинскомъ опредѣленіи есть одна оговорка (clausa), сдѣланная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы опредѣляемъ, что эти объяснительныя слова — „и отъ Сына“ — законно и не безъ основанія прибавлены къ Символу Вѣры, а именно съ цѣлію объяснить истину, чего необходимо требовали тогдашнія обстоятельства“. Исторія же говоритъ, что этой оговорки настоятельно требовалъ папа, лично присутствовавшій и предсѣдательствовавшій на соборѣ, и что тому столь же настоятельно противились Восточные, и уступили только подъ тѣмъ условіемъ, что эта оговорка не будетъ имѣть никакого предосудительнаго отношенія къ Символу Вѣры въ томъ его видѣ, какъ они его читаютъ. Что все это значить, мы впоследствии увидимъ. Допустите ее въ историческомъ смыслѣ: тогда необходимо будетъ заключить, что эти слова — „и отъ Сына“ — „законно и не безъ основанія были прибавлены къ Символу Вѣры“ безъ всякаго совѣщанія съ Римомъ или, иначе, за двѣсти лѣтъ до совѣщанія съ нимъ, или, еще иначе, за четыреста лѣтъ до принятія ихъ Римомъ. Допустите эту вставку въ догматическомъ смыслѣ: и тогда что выйдетъ? Опираясь на опредѣленіе четвертаго, пятаго и шестаго соборовъ, я утверждаю, что ясно-раздѣльное ученіе Символа Вѣры о Троицѣ, въ прежнемъ его видѣ, т. е. безъ прибавленія словъ — „и отъ Сына“, совершенно. Это одно заставляетъ меня, *per implicationem*, отрицать все то, что заключается въ вышеприведенной оговоркѣ: ибо, повторяю я, какъ можетъ ясно-раздѣльное ученіе, най-

дешное на соборахъ *совершеннымъ*, допускать какое-либо дальнѣйшее объясненіе? Я долженъ заключать противное тому; или иначе, чтобы оставить какое-либо догматическое значеніе за флорентинской оговоркой, мнѣ придется укрываться отъ прямого ея смысла какими-либо изворотливыми, лукавыми путями, или, наконецъ, снова обратиться къ исторіи этой оговорки. Св. Антонинъ, бывшій впоследствии архіепископомъ флорентинскимъ, великій канонистъ, одинъ изъ присутствовавшихъ на Флор. соборѣ, такъ эмфатически говорить о прибавленіи словъ — „и отъ Сына“: „навѣрное, и думать нельзя иначе, эти слова были прибавлены или какимъ-либо папой или какимъ-либо соборомъ; ибо кто иначе могъ бы взять на себя прибавить ихъ? Хотя вовсе неизвѣстно, какимъ папой или какимъ соборомъ“ (1). Почти и сомнѣваться нельзя, что флорентинская оговорка сдѣлана на основаніи этого предположенія и слѣд. такъ и должно на нее смотрѣть, теперь, когда факты уже извѣстны. Св. Антонинъ, навѣрное, не думалъ, что мы будемъ вѣрить тому, чего мы сами не признаемъ за фактъ. Остальная часть опредѣленія, какъ ни хороша сама въ себѣ, въ самой вещи вовсе не касается главнаго пункта. То есть, въ ней объяснены и гармонически сопоставлены тѣ доводы грековъ и латинянъ, коими они защищали свои особенности и примиряли разность взглядовъ, со времени раздѣленія; но ни слова не сказано о томъ, въ чемъ заключалось ученіе всей Церкви, прежде чѣмъ началось это раздѣленіе; тогда какъ соборы, напротивъ, одинъ за другимъ, каждый разъ утверждали, что ясно—раз-

(1) Chron. P. M. tit. III, c. 13, § 13.

дѣльное ученіе Символа Вѣры о Святой Троицѣ есть ученіе совершенное. На это-то обстоятельство Маркъ эфесскій и обратилъ вниманіе Флорент. собора самымъ формальнымъ образомъ, а именно прочитавъ Дѣянія тѣхъ соборовъ; все однакожь опредѣленіе осталось тѣмъ, чѣмъ мы теперь его находимъ. Въ немъ не только не обозначено то отношеніе, которое должны имѣть или имѣли одна къ другой эти двѣ формы символа Вѣры,—старая, безъ прибавленія, и новая, съ прибавленіемъ, но, къ удивленію англійскихъ посланниковъ, прибывшихъ на соборъ, вовсе даже не упомянуто о какомъ бы то ни было символѣ Вѣры. Не сказано, тождественны онѣ или нѣтъ, да не сказано и въ чемъ ихъ разность, и, наконецъ, не сдѣлано нималѣйшихъ замѣчаній касательно ихъ употребленія. Не возбранено употребленіе стараго Символа Вѣры, да не предписано употребленіе и новаго. Въ заключеніе, какъ бы для того, чтобы остался особенный отпечатокъ на всемъ дѣлѣ,—чтобы союзъ между Символомъ Церкви и символомъ Коровы получилъ особенный типическій характеръ, къ опредѣленію Вѣры рядомъ (*side by side*) подписались и императоръ и папа,—а это такая диковинка (*prodigy*), подобной которой не находимъ въ лѣтописяхъ Вселенскихъ Соборовъ.

Итакъ, милордъ, передъ лицомъ этихъ фактовъ, я прихожу къ слѣдующему неизбѣжному заключенію, а именно: что Римъ, погрѣшнмый или не погрѣшнмый въ дѣлахъ самой Вѣры, какъ нельзя больше показаль и дѣлалъ намъ, въ продолженіи послѣдней тысячи лѣтъ, что онъ можетъ быть самымъ нерадивымъ, дѣлалъ самымъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ, лицемернымъ, вождемъ для другихъ, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ

Христ. Чт. № 6. 61

о Вѣрѣ. Таково, во всякомъ случаѣ, было поведеніе его въ отношеніи къ Символу Церкви; каждымъ изъ этихъ прилагательныхъ вѣрно описывается его характеръ въ данный періодъ времени: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже онъ. Худое предзнаменованіе для ищущихъ воссоединенія христіанства на генеральномъ соборѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ папа! Соборъ Флорентинскій, бывшій при Евгеніѣ IV, есть единственный соборъ, на которомъ папа присутствовалъ лично, есть единственный соборъ, который исключительно имѣлъ въ виду восстановленіе единства Церкви,—по крайней мѣрѣ такъ выражался папа: и чтожь? изъ всѣхъ соборовъ, какіе когда-либо были собираемы, ни одного не было такого, на которомъ бы столь поразительную и безобразную играли роль лицемеріе, двуличность и свѣтскія побужденія! Если бы мѣсто позволило, то можно бы было рассказать, какъ Базельскій соборъ перехитрили, какъ указали на Флоренцію,—какъ на мѣсто, куда грекамъ надлежало отправиться, какъ галеры папы опереживали галеры соборныя, какъ перевезли грековъ изъ Константинополя и съ торжествомъ ввели въ городъ центральной Италіи, гдѣ папа былъ такъ всемогущъ, какъ съ ними поступали тамъ, и почему впоследствии перевели ихъ во Флоренцію; во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ открылся бы предъ нами цѣлый рядъ интригъ, и интригъ самыхъ низкихъ: но, къ несчастію, онѣ такъ явны были во все время засѣданій соборныхъ, что нѣтъ мѣста и наималѣйшему въ томъ сомнѣнію. Между Іоанномъ Палеологомъ и Евгеніемъ, просто-на-просто, съ перваго дня и до послѣдняго, происходила мѣновая торговля мірскими и духовными корыстами. Одинъ имѣлъ въ виду оградить свою столицу отъ непріятельскихъ

нападеній, а другой утвердить свое положеніе въ Ита-
ліи. Евгений надѣялся, при посредствѣ Палеолога, вос-
торжествовать надъ базильскими отцами, а Палеологъ,
при посредствѣ Евгенія, надъ турками. Чѣмъ больше
папа обѣщалъ матросовъ и солдатъ, тѣмъ большую
обѣщалъ императоръ готовность со стороны своихъ
епископовъ къ принятію ученія латинской церкви. Три
кардинала торжественно дали знать императору, ка-
кого пособія онъ можетъ ожидать отъ папы, въ слу-
чаѣ, если состоится воссоединеніе церквей, и доносили
о томъ въ ту самую минуту, какъ, по внушенію его,
всѣ его епископы, кромѣ одного, изъявили свое согла-
сіе на унію. Для перевозки ихъ обратно обѣщаны были
и корабли и деньги, да сказано притомъ, что „триста
солдатъ будутъ содержаться на счетъ папы для охране-
нія ихъ столицы“. Равно на счетъ же папы положено
было „содержать двѣ галеры для береговой стражи“. Если
императору понадобятся военные корабли, то папа „го-
товъ будетъ выслать ему не менѣе двадцати, и ста-
нетъ содержать ихъ на свой счетъ въ продолженіе ше-
сти мѣсяцевъ“. Въ случаѣ же Императоръ будетъ нуж-
даться въ помощи на сушѣ, папа, „во имя Христова,
все возможное сдѣластъ для того, чтобы подвигнуть
христіанскіе народы на помощь ему“. Когда дѣло уніи
приходило къ концу, императоръ сказалъ: „время по-
думать п о нашемъ отиравленіи“. Папа отвѣчалъ: „я
уже сдѣлалъ, что нужно; мое дѣло озаботиться этимъ.
Я заблаговременно послалъ капитана приготовить ко-
рабли, и, если что еще понадобится, я велю тотчасъ
же изготовить; а между тѣмъ возьмите отъ меня эту
бумагу, и, когда прочитаете ее, дайте мнѣ вашъ от-
вѣтъ“. *То было опредѣленіе, ужь, конечно, не въ томъ*

видѣ, въ которомъ оно прошло: но вѣдь тутъ въ перспективѣ были корабли и деньги. Таковы-то были предварительные переговоры, въ видахъ взаимной деклараціи двухъ церквей относительно исхожденія Святаго Духа, буквально заимствованные мною изъ Дѣяній собора. Сознаться ли предъ вами, Милордъ? У меня кровь стынетъ (curdles) въ жилахъ, когда я пишу подобныя строки: но это еще далеко не все. Что говорить исторія объ этомъ Евгеніѣ, объ этомъ единственномъ папѣ, который лично предсѣдательствовалъ на генеральномъ соборѣ? Что говорить она объ общемъ его характерѣ, — о его святой ревности въ тѣ часы и дни, когда соборъ засѣдалъ ради воссоединенія христіанства, или когда, по окончаніи его, дѣло шло о взаимномъ примиреніи? Естественно было бы ожидать, что его присутствіе и примѣръ окажутъ такое благотворное вліяніе на соборъ, какого никакому другому собору не дано было испытать надъ собою. „Евгеній“, пишетъ самый пристрастный изъ его біографовъ, а именно Сіасопіусъ, считался однимъ изъ тѣхъ, которые любятъ держать свое слово, если же не держалъ его, то это въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ, что лучше отказаться отъ него, чѣмъ сдержать его“. Все то время, какъ Евгеній, по видимому, изъ всѣхъ силъ своихъ домогался уніи во Флоренціи, онъ обмѣнивался гнѣвными цензурами и отлученіями съ Базельскимъ соборомъ. „Увы“, воскликнулъ великій архіепископъ Палермскій, впоследствии одинъ изъ его собственныхъ кардиналовъ, „что за унія выйдетъ, если она уже въ самомъ началѣ грозитъ такимъ раздоромъ и скандаломъ латинской церкви?“ Никогда подобныя предчувствія не оправдавались такъ вѣрно событіями, какъ предчувствіе это с архіе-

пископа. Блондь (Blondus), секретарь папы, просто ужасался при видѣ тѣхъ огромныхъ суммъ, которые потрачены папою на примиреніе высокихъ сановниковъ или скудныхъ прелатовъ греческаго императора,—потрачены, какъ говоритъ Блондь, *на подарки*, а по выраженію Сиропула, *на подкупъ*, и на содержаніе его арміи, требовавшей *не меньшихъ расходовъ*. Во главѣ этой арміи, замѣтимъ здѣсь, былъ Іоаннь Вителлій Vitelleschi, флорентинскій кардиналъ и латинскій патріархъ Александріи: борьба шла съ Николаемъ Piccino, съ Филиппомъ Миланскимъ или Francis Sforza, мелкими предводителями нѣкоторыхъ крамольныхъ партій. Таковы-то были интересы, для которыхъ папа находилъ время, и таковы-то были министры, которымъ онъ ввѣрялъ ихъ охраненіе,—и все это во время засѣданій Флорентинскаго собора! Еще до окончанія собора, Vitelleschi былъ вдругъ схваченъ и, по приказанію папы, преданъ смертной казни, безъ всякаго суда. „Таково-то непостоянство, и таковы-то перемѣны въ человѣческихъ дѣлахъ“, говоритъ біографъ кардинала, что тотъ, съ которымъ обращаются сегодня съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, за два дня предъ симъ отдавалъ всѣмъ приказанія, и всѣмъ располагалъ по своему произволу, всѣмъ, что есть въ вѣдомствѣ или во владѣніяхъ церкви; управлялъ Римомъ, римскою областью, герцогствомъ, кампаніей, побережьемъ и всѣмъ, всѣмъ, что когда-либо принадлежало церкви“. Посмотримъ, кто сдѣлался его преемникомъ. А вотъ кто: Louis, архіепископъ Флоренціи,—того самаго города, гдѣ еще засѣдалъ соборъ,—патріархъ Аквилей, *сдѣланный кардиналомъ*, какъ о томъ нарочито замѣчено, не за какую-либо услугу, оказанную имъ на со-

боръ, но за то, что онъ, въ сраженіи съ Николаемъ Ріссіпіно, взялъ надъ симъ послѣднимъ верхъ. „Онъ“, говоритъ его біографъ, „такую заслужилъ любовь Евгенія своею военною храбростію, что сдѣлался первымъ епископомъ Далматіи, потомъ архіепископомъ Флоренціи, наконецъ патріархомъ Далматіи: то былъ первый изъ Венеціанъ, которому дана была эта кафедра“. Евгений, природный венеціанецъ, любилъ своихъ земляковъ, и когда изъ нихъ выходили хорошіе воины,—только увы! не воины Христовы,—онъ относился къ нимъ съ чрезвычайною любовію (love). Такъ и теперь папскаго одnogородца ожидало новое высшее отличіе—сдѣлаться патріархомъ Аквилей, въ качествѣ главнокомандующаго папской арміей: и тутъ однакоже первою мыслию новаго патріарха аквилейскаго, при вступленіи его въ сіе званіе, было не то, чтобы напомнить Евгенію о его обѣщаніи, данномъ имъ греческому императору, помочь ему противу турокъ, нѣтъ, первою его мыслию было—втянуть папу во вражду съ его собственнымъ соперникомъ по разнымъ приключеніямъ, Францискомъ Sforza. Дѣйствительно, съ этого времени Евгений, дѣйствуя подъ вліяніемъ своего главнокомандующаго, архіепископа, всѣ свои силы сталъ напрягать на то, какъ бы сокрушить Сфорзу, продолжая, между тѣмъ, писать въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, въ Константинополь, къ Константину Палеологу, брату и наследнику Іоанна, что только небрежность императора въ выполненіи условій уніи, а не другое что-либо, заставила его замедлить исполненіемъ обѣщаннаго. Греки согласились на флорентинское опредѣленіе, и оставили Флоренцію въ той мысли, что они останутся при своемъ собственномъ символѣ и своемъ собственномъ обрядѣ;

Евгеній же только тогда изволилъ подумать объ обѣщанной имъ помощи грекамъ, когда успѣла пронестись молва въ Европѣ, будто греки обѣщались *сообразоваться съ римскимъ обрядомъ*, какъ самъ выразился Евгеній; и тутъ, однакоже, Венгрія, а не Константинополь, была главнымъ образомъ въ его мысли.

И такъ вотъ каково было, по свидѣтельству исторіи, поведеніе того единственнаго папы, которому довелось быть во главѣ собора, и на томъ единственномъ соборѣ, который исключительно былъ собранъ для воссоединенія христіанства! — И въ продолженіе всего того времени, какъ онъ, въ семь качествъ, засѣдалъ и дѣйствовалъ! Теперь, какое же ручательство имѣемъ мы, Милордъ, или какое можемъ имѣть, что подобное поведеніе снова не повторится предъ нами, пока прежняя система будетъ оставаться,—и оставаться во всей своей силѣ? Личная святость царствующаго Понтифекса на время можетъ служить намъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ, но вѣдь это обезпеченіе можетъ завтра же сокрыться въ гробъ; къ тому же, противъ этого временнаго обезпеченія, какъ оно ни велико, имѣется та неумирающая система, которая всегда оказывалась безмѣрно сильнѣе всякаго папы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло шло объ ея интересахъ. Не столько ли же надо заботиться и о папскихъ зуавахъ, какъ и о епископахъ, и не столько ли же надо препираться и за папскую территорію, какъ и за догматъ? Или мы не читали про *самаю* Пія IX, что онъ съ особенною заботливостію велъ переговоры съ протестантскимъ Premier о снабженіи своей стражи 7,000 или 8,000 ружей легкаго калибра, которыя онъ находилъ необходимо нужными, но за которыя самъ не могъ заплатить, а „у Неаполя, Турина

или Австріи“, именно въ это время, не хотѣлъ ихъ просить (1)? Никто не будетъ спорить, что многими своими добродѣтелями папа обязанъ этой системѣ; исторія показываетъ, что и Евгенийъ въ большей части случаевъ не могъ бы такъ дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ, если бы не было этой системы. Вотъ почему всѣмъ кто молится о возсоединеніи христіанства, и именно въ корпоративномъ смыслѣ, какъ можно ближе должно всматриваться въ Евгенія, бывшаго во главѣ Флорентинскаго собора. Смотрите же на его дѣянія въ томъ практическомъ свѣтѣ, въ которомъ только и желаютъ смотрѣть современники наши. Есть ли хоть малѣйшая польза отъ того, что онъ присутствовалъ на соборѣ? Отстранялъ ли онъ своимъ присутствіемъ лицемеріе, хитрость, пронырство и всякаго рода свѣтскія интриги? Онъ просто тамъ царствовали. Мало того: присутствіе его тамъ не было ли первою причиною того, что онъ царствовали, въ смущенію всѣхъ добрыхъ и ученыхъ людей съ той и другой стороны? Напрасно они молились и трудились подъ водительствомъ такой главы. Наконецъ, присутствіе его было ли хотя отрицательнымъ огражденіемъ отъ заблужденія? Да, быть можетъ; но и того положительно нельзя утверждать; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока предложеніе, внесенное по его настоянію въ опредѣленіе, не будетъ примирено съ исторіей, или съ прежнимъ догматомъ. Такимъ-то образомъ главный пунктъ въ этомъ препирательствѣ вовсе остался необъясненнымъ, хотя семь сотъ лѣтъ онъ ожидалъ себѣ рѣшенія. То возбраняла политика, столь же старая, какъ и само препирательство.

(1) Guizot's Last Days of Louis Philippe, p. 321.

Отъ вопросовъ вѣры я перейду къ вопросамъ о нравственности, — потому что Римъ объявляетъ свою непогрѣшимость и въ томъ и въ другомъ случаѣ, — и еще разъ ограничу мой разборъ послѣднимъ тысячелѣтнимъ существованіемъ Рима, какъ практическаго руководителя въ нравственной области. Какъ же онъ поступалъ съ обязанностями въ отношеніи къ человѣку, — съ этимъ „*Suum ſpicere*“ въ сферѣ политическаго правосудія? Въ отвѣтъ на сей вопросъ отчасти намъ можетъ помочь и то, что уже мы слышали отъ св. Бернарда. „Аббаты изъяты отъ епископовъ, епископы отъ архіепископовъ, архіепископы отъ примасовъ или патріарховъ. Можетъ ли это быть хорошо въ теоріи? Можетъ ли это быть извинено на практикѣ? Можете ли вы какъ либо думать, что законно для васъ разчленять церковь, разстроивать порядокъ, расторгать предѣлы, положенныя имъ вашими отцами?“ Десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я далеко не такъ понималъ эти слова. Я смотрѣлъ тогда на св. Бернарда и всѣхъ другихъ, въ его тонѣ, выражавшихъ свои жалобы, во времена среднихъ вѣковъ, какъ на людей, если не прямо, то косвенно отвѣчающихъ за то зло, которое они обличали, потому что, думалось мнѣ, или они сами или ихъ отцы добровольно согласились на ту систему, изъ которой истекало зло. Такая система, казалось мнѣ, не могла бы разростись или насильно усвоить себѣ власть, безъ ихъ содѣйствія или согласія. Вѣдь нельзя же сказать, что папство силою оружія завоевало средне-вѣковую Европу. Оно пустило корень потому, что нашлась сродная ему почва: вкусили плодовъ его, и они пришли по вкусу. Когда оно оказалось благотворнымъ политическому вообще тѣлу, или еще несравненно лучше все-

го того, что представлялось тогда глазамъ, естественно оно и встрѣтило общее одобреніе. Безъ сомнѣнія, оно имѣло свои злоупотребленія: и вотъ честь всѣмъ защитникамъ его, обличающимъ, въ то же время, честно его злоупотребленія! Все однакожь, и тогда, читая ихъ обличенія, я не могъ по доброй совѣсти закрыть отъ глазъ своихъ тотъ фактъ, что они крѣпко держались той системы, подъ вліяніемъ которой жили, были сторонниками или, какъ говорятъ, партизанами ея на практикѣ, и никогда и въ мысли не имѣли смѣнить ее какой либо другою системою, показывая и доказывая тѣмъ, что она находила въ нихъ, за исключеніемъ злоупотребленій, полное содѣйствіе. Равно я припоминалъ себѣ и то, что и среди насъ много такихъ, которые краснорѣчиво могутъ говорить о злоупотребленіяхъ парламентской формы правленія, и зловѣщимъ тономъ указывать на всемогущество палаты депутатовъ, вовсе не думая притомъ утверждать, что какая либо изъ конституціонныхъ реформъ сдѣлана незаконно, и вовсе не желая возстановить то, что было во время тюдоровъ или плантагенетовъ.

Послѣдовавшія за тѣмъ изслѣдованія показали мнѣ, что это объясненіе односторонне. Теперь я вижу, тутъ имѣлся въ виду западъ или какъ всецѣлая Церковь, или, по крайней мѣрѣ, какъ церковь, властная измѣнить дисциплину всей Церкви по своему произволу, или въ угоду своимъ воззрѣніямъ на дѣло или въ видахъ общаго блага. Св. Бернардь, упоминая о патриархахъ, очевидно, ходилъ за своими фактами далѣе предѣловъ запада. Посему-то слова его — „можете ли вы какъ либо думать, что законно для васъ *разчленять* церковь, разстроивать порядокъ, расторгать предѣлы,

положенные имъ отцами вашими⁴—имѣють болѣе глубокой и широкой смыслъ, чѣмъ я усволялъ имъ прежде. Онъ предъявилъ на судъ такое дѣло, съ которымъ я, по слуху, давно былъ знакомъ, только давалъ ему другой толкъ. Западъ полное имѣлъ право измѣнить свою собственную церковную политику (politicu), на столько, на сколько позволяла ему это конституція цѣлой Церкви. Но западъ вовсе не имѣлъ права, законодательствуя для себя, вводить что либо новое вопреки существующимъ и неотмѣнно существующимъ уставамъ или постановленіямъ всей Церкви. Именно такъ возсталъ противъ англійской церкви покойный архидіакоуъ Вильберфорсъ, и я въ то время былъ совершенно на его сторонѣ, и считалъ его возраженія неопровержимыми. Принимая теперь показанія св. Бернарда, какъ показанія вѣрныя до нельзя, вѣрныя до точки, какъ я могъ не сказать, что церковь римская гораздо больше въ семъ отношеніи погрѣшила, чѣмъ церковь англійская,—гораздо больше, потому самому, что, имѣя притязанія на исполнительную власть во всей Церкви, она первая прежде всѣхъ должна бы была озаботиться охраненіемъ существующихъ статутовъ Церкви, и ужь конечно менѣе и послѣ всѣхъ думать объ ихъ устраниеніи? Вопросъ оставался, какъ она взялась за это дѣло? Само собою разумѣется, св. Бернардъ не могъ бы тутъ отвѣчать. Англійская церковь, для достиженія своихъ цѣлей, воспользовалась Реформаціей,—и слѣдствіемъ того была схизма между ею и Римомъ. Теперь я сталъ спрашивать, на сколько поведеніе Рима въ семъ отношеніи содѣйствовало къ ускорѣнію первой схизмы между востокомъ и западомъ, и долженъ сказать—исторія отвѣтила мнѣ съ удвоенною ясностію и съ удвоенною

строгостию и непреклонностию, противъ того, какъ она отвѣчала миѣ относительно дѣла по Символу Вѣры. Безъ малѣйшаго колебанія или коснѣнія исторія возвѣстила, что Римъ поднялся на ту высоту, которую онъ занималъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, въ періодъ своего зенита, и съ которой, по волѣ провидѣнія Божія, стала съ тѣхъ поръ постепенно, но вѣрно низпадать, — самымъ неправеднымъ образомъ, *относительно Церкви*, я разумѣю, всей Церкви, — а именно коварствомъ и силою, оружіемъ слабого и оружіемъ сильнаго, то тѣмъ, то другимъ, то обоими вмѣстѣ, употребляя эти средства, въ видѣ законныхъ средствъ, единственно для распространенія собственной своей власти, къ разчлененію и гибели всей Церкви вообще. Самыми паразитическими образчиками этого рода дѣйствованія служатъ „псевдо-декреталии“, съ ихъ, разумѣется, „Pseudo-Donatio“, и крестовые походы. При помощи этихъ средствъ, епископъ Рима домогался сдѣлаться патріархомъ всей Церкви и быть въ то же время папою. О каждомъ изъ этихъ пунктовъ надо будетъ нѣчто сказать отдѣльно.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки